



Веселая страничка

Вот как это было

Вся история с баней, памятная кинозрителям по фильму «С легким паром», снималась ночью в холодном коридоре «Мосфильма». Привезли пальмы из Сандунов, настоящее неразбавленное пиво в бочках, наняли сборную по дзюдо или самбо (память слабеет — святых вещей не помню) для изображения счастливых посетителей и снимали две ночи этот ключевой эпизод знаменитой эпопеи.

Я напомним: смысл эпизода состоял в том, что честная компания напивалась в бане холодным пивом с водкой до бессознательного состояния и в отпаде отправляла не того человека в Ленинград.

Учитывая игровые обстоятельства, холодные ночные подземелья родного «Мосфильма», для поддержания творческих сил участники сцены, почти не сговариваясь, притащили с собой на съемку каждый по пол-литра... Всеми этими пол-литрами были заменены очень тонко и умело реквизиторские бутылки с водой и сложены в портфель незабвенного Жоры Буркова, который по ходу сцены доставал их одну за другой и руководил «банным трестом». Как я уже говорил, пиво было свежее и настоящее, а водка на свежесть не проверяется, а настоящая она была точно.

Сняв первый дубль и ощутив неслыханный творческий подъем, мы потребовали второго дубля, совершенно забыв, что при питье разных напитков ни в коем случае нельзя занижать градус, то есть можно попить пивка, а потом осторожно переходить к водке, и никак не наоборот.

После третьего дубля даже совершеннейший дилетант как алкоголик Э. Рязанов учуял неладное. «Стоп! — раздалось под сырными сводами «Мосфильма». — Они пьяные!»

На следующую ночь до начала съемки все были подвергнуты тщательному «таможенному досмотру». Перед командой «мотор», зная, с кем имеет дело, Эльдар Александрович лично откупоривал все бутылочные водочные бутылки и нюхал с пристрастием свежую воду.

Снимали тот же эпизод — играли пьяных. «Стоп! Снято!» — прозвучал наконец под утро усталый, но, как нам показалось, довольный голос Рязанова. Это дало право всей компании подойти к нему и робко намекнуть, что, по просвещенному мнению компании, материал, снятый вчера и сегодня, вряд ли смонтируется, ибо вчера был пир естественности, а сегодня потуги актерского мастерства. Эльдар сказал, что вот как раз случай проверить, с какими артистами он имеет дело, ибо иначе проще было бы взять на эти роли людей под забором. Мы виновато удалились, но в картину вошли кадры, снятые в первую ночь! Вот и верь после этого в искусство перевоплощения.

Софи Лорен такое и не снилось

В годы повального дефицита звонит мне как-то удивительная и непредсказуемая Нонна Викторовна Мордюкова, вскоре после того как ей где-то на самом высоком уровне присвоили звание лучшей актрисы столетия, и говорит: «Шура! Срочно выбирай день и едем в совхоз за 120 км от Москвы. Дадут 100 яиц и кур, а может быть, и свинины». Я положил благодарно трубку и представил себе, как Софи Лорен телеграфирует Марчелло Мастоияни и предлагает смотаться в Падую за телятиной.

С расстегнутой ширинкой

В правительственном концерте обязательно должен был быть «юмо-



ЗАБАВНЫЕ ИСТОРИИ ОТ АЛЕКСАНДРА ШИРВИНДТА

ристический отсек». Добрый, оптимистический, позитивный, никого не задевающий. Волнения с текстом продолжались до последней секунды. На каждой репетиции что-то убиралось и какое-то слово заменялось. А репетиций этих была масса и волнений, естественно, столько же. Поэтому речевики с черной завистью смотрели на лежащий на полу в предкулисе Ансамбль песни и пляски Советской армии, который был уже проверен раз и навсегда «Песней о Родине». Они привычно лежали группами по четыре на полу и ждали сигнала: «Ансамбль Армии, на сцену», чтобы гаркнуть; «Партия... это!..» Я долгое время не понимал, зачем у каждого певца ансамбля, находящегося за кулисами, были полурастегнуты штаны и из них на белой тесемочке болтался небольшой матерчатый мешочек, подобно тем, в которых дети оставляют свою сменную обувь на вешалке в школах. Только однажды я понял назначение этого атрибута. Дело в том, что, лежа и сидя на полу в течение изнурительного репетиционного дня с тремя-четырьмя прогонами концерта, славные воины-певцы резались в домино (неудобно, говоря о правительственном концерте, употребить сочетание «забивали козла»). К моменту команды по радио: «Александровцы, на сцену» партия (домино), как правило, была на середине розыгрыша, и певцы смахивали свои костяшки в мешочек, засовывали в штаны и, гремя домино, бежали на сцену, врубали «Партия», а затем ложились снова, и, расстегнув ширинки, продолжали увлекательную игру до следующего призыва к творчеству.

«Расскажи-ка лучше про аборт»

Было это лет десять тому назад в Новосибирске. Шел концерт. На сцене у микрофона стоял московский конференсье Олег Милявский (недавно, увы, скончавшийся) и, почти взяв в рот микрофон, что-то в своей доверительной манере курлыкал публике. А публика (полный зал) вела себя крайне неожиданно. Зрители разговаривали вслух, переключались через ряды, входили и выходили, смеялись чему-то своему, а не репризам Милявского. Оказалось, что какое-то мощное новосибирское СМУ

(строительно-монтажное управление) празднует 25-летний юбилей. Публика вся «тепленькая». Милявский что-то шепчет — он им не мешает. У них своя жизнь, у него — своя. Мужественный Милявский из последних сил пытается «взять зал». Ноль внимания! Наконец взрыв произошел. Один из юбиляров свесился с балкона, чуть не рухнув вниз, и крикнул зазывно, обращаясь к Милявскому: «Э! Расскажи лучше про аборт». Настала щемящая тишина... в зале и на сцене. Далее Милявский делает вид, что он этого не слышит, и продолжает братание со славным СМУ. Выждав паузу и поняв, что пронесло, балконный юморист кричит: «Москвич, а пустяков не знаешь». Тут уже зал дружно взревел, оценив по достоинству юмор своего сослуживца. Милявский опять пропускает это мимо ушей. Шутник делает третью попытку упасть с балкона и кричит: «Если не знаешь, я расскажу!» Тут уже чуть ли не аплодисменты в зале: все стараются увидеть автора и исполнителя репризы, многие встают...

Милявский делает паузу и говорит: «Дорогие друзья! Мне с балкона все время задают один и тот же вопрос. Я взрослый человек и, конечно, знаю, что это такое. Думаю, вы все тоже знаете, что это такое. Мне очень жаль, что этого не знала его мама!»

Моментально пьяная компания схватила «юмориста» и вышвырнула его за дверь. При этой акции Милявский уже не мог, естественно, удержаться и при выбрасывании «коллеги» сказал: «Друзья! Это, кстати, называется выкидыш!» И все. Зал утих и покорно отдался Милявскому.

А Ленин еще не прилетел

Конференсье Евгений Кравинский был завсегдатаем нашего любимого ресторана Дома актера. Войдя в зал ресторана, он только часа через полтора добирался до своего столика, — так много остановок совершал он, чтобы побалакать с приятелями и обменяться душераздирающими сплетнями.

И вот вспоминается случай. В зале ресторана я вдруг увидел в углу за столиком одиноко сидящего Женю Кравинского с потухшим взором. Зрелище было настолько необычным, что я невольно подсел к нему: что случилось?

«Только что прилетел из Грозного, со стадиона». — беззвучно прошипел он. «Что с голосом?» — «Сорвал на стадионе: микрофон отказал. Вообще жуть! Сейчас же ленинские дни. Представляешь? Объявлено массовое зрелище «Ленин и теперь живее всех живых». Рушиться начало все подряд. Переверзев заболел, у Пуговкина съемки, Никулин с цирком за границей, а Вицин с Моргуновым без него не хотят. Харитонов без фонограммы не соглашается петь свою «Если б гармошка умела», а фонограмму не привезли... А тут еще объявлен Крамаров и, как назло, суббота, а в субботу правоверные евреи, если тебе известно, не работают. А никто и в мыслях не держал, что любимец российской шпаны, косо уркан Савка Крамаров по совместительству правоверный еврей. Жуть... Полный стадион. Я выхожу, звучит «Ленин всегда живой», а «Ленин» еще не прилетел из Донецка со вчерашнего стадиона. Срочно гримируют местного артиста, который больше похож на Горького, чем на Ильича, сажают в пролетку и под фонограмму везут два круга по беговой дорожке. Но забыли про Крупскую, и в последний момент меня хватают, заворачивают в плед, и я два круга под потной ленинской подмышкой мотаюсь по стадиону за те же полторы ставки! Ну, можно так жить?»

Да здравствуют полудурки!

Один наш очень хороший, но очень нервный артист, дико переживая из-за запаздывания звания «заслуженный артист», проникся необыкновенной творческой любовью к комсомолу Коми АССР. Он возил туда бригады, устраивал декады и месячники дружбы. Деятельность эта была правильно понята, и буквально через полгода он стал обладателем высокого звания лауреата премии комсомола Коми АССР. Словечко «Коми» (хотя республика, как известно, у нас были все равны) несколько раздражало молодого лауреата, и при объявлении своего имени в концертах он стыдливо просил конференсье отбрасывать географическую принадлежность его лауреатства и объявлять просто: «Лауреат премии Ленинского комсомола». Услышав это и хорошо к нему относясь, я предупредил, что если, не дай Бог, кто-нибудь из «оттуда» это услышит, может быть огромный скандал, вплоть до лишения звания. Наш нервный друг поблагодарил меня и спросил совета. Я совет ему дал, и объявлялся он впредь красиво и неподсудно: «Лауреат премии Коми-сомола».

Но гордиться чем-то надо, и я тоже горжусь своими новыми званиями... Когда в Ленинграде была создана Академия дураков, талантливейший и неумный Ролан Быков тут же создал московский филиал академии и, назначив себя, Мережко и Жванецкого академиками, то есть, как написано в дипломе, «полными дураками», нашел в себе силы избрать еще член-корреспондентов академии: Гафта, Державина и меня — с формулировкой «полудурки». Когда мы законно поинтересовались причиной такой дискриминации, Ролан сказал, что до полных мы не доросли по возрасту. Все это неубедительно, очень отдает интригой, ибо не настолько уж мы моложе и умнее академиком...

Подготовила Зинаида КОЗЛОВА